Рисунок Марины Медведевой

Премия

Я вышел из университета в хорошем настроении. Голова после таблетки перестала болеть, впереди был обед (рассольник или борщ?), солнце било в глаза, отражаясь на мартовском насте.

И, конечно, до сих пор грела эйфория от полученной премии. Скандал, случившийся на церемонии, меня не касался, свою награду я успел получить до него. А что было дальше? Суета, возмущенные крики, охрана.

В этом хаосе я смотрел только на него — нашего благодетеля, и меня поразило, насколько спокойным он оставался. Только что ему в лицо были брошены обидные, несправедливые слова, а он всего лишь улыбнулся в ответ и ждал, пока охрана сделает свое дело.

В новостях, конечно же, этот момент не показали (и правильно). Что случилось дальше с девушкой, которая устроила эту выходку? Мне врезалось в память ее бледное лицо, два красных полумесяца вместо губ и напряженная нервная улыбка, сквозь которую прорывался дрожащий голос. Да, она боялась, она знала, что с ней будет, этаким вестовым Крапилиным. Ты хорошо начал, но плохо кончишь, Крапилин. Правда, на колени она так и не встала.

Получается, друг другу противостояли две улыбки. Одна спокойная, царственная, а другая напряженная и истерическая. Кто кого? Надо признать, девушка была красива в тот момент, под своим «газовым колоколом». Черное каре, веснушки, тонкая фигура и сжатые кулачки. Я ведь не мог видеть ее руки из-за длинного парня на первом ряду, но уверен, что там были сжатые кулаки.

Невольно я уставился на такое же черное каре, идущее передо мной. И фигура была подходящая, охваченная синей курткой, а внизу — сапожками до колен. Та, наверное, тоже ходит без шапки — подумал я, но обгонять и заглядывать в лицо (как иногда делал) не стал. Где та бедняжка сейчас? Ну что ж, сама виновата. Когда на власть нападают, она защищается как умеет. Иначе исчезнет стабильность, и мы потеряем страну.

Преследование черного каре настолько увлекло меня, что я свернул во двор. Но проход был сквозным и не мешал мне добраться до обеда. Рано или поздно

она отвернет в сторону, я увижу незнакомый профиль и пойду по своим делам.

И вдруг я заметил пару подозрительных типов. Вроде бы и одеты они были прилично (пальто и шапки), но слишком уж косо посмотрели в нашу сторону, а один держал руки за спиной. Мгновение спустя они решительно двинулись нам наперерез.

Вначале я подумал, что они по мою душу. В голове пронеслось: кого же я отчислил в прошлом семестре, кого лишил стипендии на бюджете? Но почти сразу стало понятно, что их целью было черное каре.

В кино и книгах (например, в акунинском «Шпионе») это происходит быстро и весело. Раз, два — и злодеи повержены. Но в тот момент во дворе не было чемпиона-боксера — только девушка и преподаватель вуза, обладатель Государственной премии Российской Федерации для молодых ученых.

Не инстинктивно, а следуя примерам из фильмов и представлениям о долге, преодолев накатившийся страх, я сделал несколько быстрых шагов и встал между девушкой и типами. Тогда тот, что держал руки за спиной, замахнулся.

Я думал, там будет пистолет, нож, бомба. Что еще могло рисовать воображение преподавателя истории?

Мне в глаза брызнула темная жидкость, и я потерял зрение от боли и неожиданности.

* * *

Когда эти два типа подступили ко мне, я подумала, что все кончено. А я-то гадала: почему меня отпустили? Не исключаю, что по личному приказу. Разумеется, прикончить меня следовало не в сердце нашей родины, а где-нибудь в подворотне…

Но между мной и этими людьми откуда ни возьмись вырос какой-то молодой человек. Слава богу, что оружием оказался не пистолет, не нож или граната — все бы сгодились для такой соломинки, как я, — а банка зеленки. Негодяи облили беднягу с ног до головы и убежали. А мне достались лишь изумрудные брызги на щеке…

Зеленка… Оружие негодяев. Так они помечают двери и лица врагов власти. С чем же сравнить ее? Разве что с дегтем, которым вымазывали ворота провинившихся девиц в деревнях. Современное варварство, направленное против свободы. Не с этим ли боролся мой отец?

Но, попав в глаза, как известно, она становится опасной. Теперь мой неожиданный защитник нуждался в заботе. Я попробовала промыть ему глаза водой из бутылки, однако лучше не стало. Он вспомнил, что через два квартала находится поликлиника, и мы побежали туда. Я держала его за руку и думала об одном: только бы не ослеп, только бы не ослеп…

В регистратуре спросили, как да что, и отправили в травмпункт. Его завели к врачу, а я осталась в коридоре. Знакомые мысли снова полезли в голову…

Долго ли это будет продолжаться? Меня выпустили через несколько часов допроса. Мне даже не предъявили обвинение. Неужели он меня простил? Простил… А я его нет. И никогда не прощу.

Мой отец говорил: береги платье снову… Дальше обычно продолжала я. Но что такое честь в современном мире? Редкие истории, рассказанные СМИ с полей преступных и бессмысленных войн?

Отец знал, что такое честь. Поэтому он слег, когда узнали, что его университет со столетней историей закрывают, «присоединяют путем слияния» — так, кажется, говорили? Сердце шалит — сказал доктор и добавил: понаблюдаем. Через два дня отец умер. На похороны пришел весь «неэффективный» вуз и стоял у гроба, потупив глаза, утирая слезы. А потом отправился дальше — приспосабливаться, привыкать «продавать себя», «оказывать образовательные услуги клиентам».

Какой же дикий этот новый язык! Он выворачивает наружу все мое нутро. И это я должна считать великим и могучим? Да Абрамян в седьмом классе лучше говорит на русском! И мысли у него хоть и хитрые, но добрые.

Меня позвали…

* * *

Я не заметил, как она стала мне близка. Какое-то время я не мог ее видеть, но мог слышать. Вместе с голосом в палату входил едва уловимый запах женщины, как я понял позже и надежно утвердил где-то в себе, — ее запах. Вместо благодарностей теперь звучали ободряющие разговоры, рассказы о том о сем.

Может, дело было в том, что тогда я был свободен? Какие-то прежние отношения не хотелось вспоминать и казалось: вот оно, то самое. От этих мыслей бабочки порхали в животе. И не только.

Что я узнал о ней? Учит детей в школе. Пишет стихи. Предложили опубликоваться в центральной газете. Заметили. Дали такую же премию, как и мне. Решила свести личные счеты с благодетелем и устроила скандал. Не понимает, почему отпустили (для меня-то его милосердие не в новинку). Я тоже не понимаю. Смех.

Вначале она неуверенно касалась моей руки, потому начинала встречу с рукопожатия. Наконец, и я взял ее за руку.

Глаза мне спасли, только зрение сильно село. Выписали очки (и они мне идут).

Мы стали встречаться после больницы. Ходили в кино, гуляли. И тут моя карьера пошла в гору: предложили заведование кафедрой, и я не отказался, хотя должность была, как говорили, расстрельная, в свете грядущей аккредитации.

Ее любовь стала, если можно так выразиться, моей отдушиной. Голова шла кругом от нагрузки и проблем. И где-нибудь в середине недели или в воскресенье я заваливался к ней совсем обессилевший, отрывал ее от тетрадок и проводил ладонью под футболкой — по позвоночнику вверх и вниз. Как художник, я прорисовывал контуры ее тела вначале пальцами, затем губами. Она была хрупка, как соломинка, но в ней билось значительно больше, чем мог себе представить Паскаль, — мыслей, чувств, страсти, красоты.

* * *

Он лежал рядом, и меня накрывали привычные мысли...

Вот он патриот, а я либералка. Он говорит, что власть дала ему все: образование, работу, карьеру, гранты. У него нет причин не доверять ей. Он считает, что те, кто не приспособился, сами виноваты. Вокруг одни враги, а Россия сосредоточивается. Есть ли какая-нибудь страна, которая по-настоящему демократична? Идет раздел ресурсов. И Россия — лакомый кусочек...

Экономика должна быть экономной. Кто заявку лучше оформил — того и грант. Человек человеку волк. Выживает сильнейший. Нужно уметь работать и зарабатывать. Закончилось время слабых — настало время активных и эффективных. Естественный отбор...

На каждый его тезис у меня находился антитезис. Бумаги, а не дело. Коррупция, а не развитие. Изоляция, а не сотрудничество. Война, а не культура. Лозунги, а не репутация. Фальшивые показатели, а не живой человек. Отсутствие смысла...

И поначалу это были жаркие споры. Но, как известно, у влюбленных любые споры заканчиваются одним. Я ждала этих сред, этих воскресений, чтобы спорить и любить, спорить и любить. И когда он спал, пробежаться глазами по его лицу, рукам и дальше. Даже дети заметили, как я изменилась. Сказали: похорошела...

Во мне было слишком много воспоминаний, которые мешали все пустить на самотек. Например, многие люди не могли мне простить того, что я получила премию. Одна заявила: я бы на твоем месте отказалась, как можно брать это из рук тирана! Но у меня был свой план...

А теперь еще и брат позвал меня к себе. Что же будет с нами?

* * *

Я сделал трудный выбор. Фактически — между родиной и любовью. Я выбрал последнее. Наверное, этот шаг еще долго будет мучить меня. Не предательство ли это?

Я сам посоветовал ей принять предложение брата. Около ее дома постоянно крутились странные личности. Я-то понимал, что это значит.

Я думал, что она уедет одна. Но она не уезжала и просто молчала в ответ на мои вопросы и просьбы. Она это делать умеет — поджать свои губы-полумесяцы и не сдаваться. Я спросил: чего же ты хочешь. Она сказала: чтобы ты поехал со мной.

Вначале это было смешно. Оставить любимую страну, работу? Потом я задумался, смогу ли жить без нее, даже имея возможность ежедневно болтать по скайпу и пару раз в год встречаясь где-нибудь. Я понял, что она нужна мне не только по средам и воскресеньям.

Давно ли этот червячок прорыл свой ход в моем мозгу? Давно ли родина стала интересовать меня меньше, чем она?

В этой трудной ситуации я успокаивал себя одним: за границей я все равно буду работать на благо России. Местный научный центр был готов предоставить мне грант для работы в научной группе по интересующим меня проблемам. Да, где-то именно там когда-то вещало радио по указке ЦРУ и нарушало спокойствие советских граждан. Но, может быть, все изменилось?

Это было не отречение и не отступление. Я отправлялся не в изгнание, а в послание.

* * *

Брат не мог приехать на похороны отца. Он эмигрировал десять лет назад, когда телеканал, на котором он работал, прибрало к рукам государство. Он сильно поссорился с какими-то влиятельными людьми, имел на них компромат и в конце концов получил политическое убежище за рубежом.

Ему приходилось по-прежнему опасаться за свою жизнь. У его недругов повсюду были свои люди, и они искали его. Ему даже пришлось изменить внешность. Но он все равно не оставлял своего дела: открыл новый медиаресурс, откуда бомбардировал нашу власть фактами и разоблачениями. Не хотела бы я быть объектом его насмешек...

Длительная привычка скрываться усилила в нем недоверие. Брат даже подозревал «моего историка»: мол, уж очень твой друг патриотичный. Но у «моего друга» были личные записи — вся его история. История изменения, перехода от безоценочной веры к мучительному сомнению. Мы показали все...

Брат нашел работу для нас обоих. Одному — место в научном центре, другой — в местной школе, где считали нужным учить русский язык. Нам арендовали квартиру.

Мы долго шли к этому решению. Практически не спорили, а просто привыкали к этой мысли. Сидели друг напротив друга, лежали рядом, говорили о незначительном, но думали об одном. Наконец, он сказал: я сделаю так, как ты хочешь. А я ответила: я хочу уехать с тобой...

Выезжали мы окольными путями, как когда-то белые эмигранты и советские диссиденты...

* * *

Я зашел в кафе и сразу понял, за каким столиком меня ждут. Мы заказали по коктейлю и, перегнув полосатые соломинки, выпили по паре глотков. Поговорили о погоде, огляделись.

Пора было заканчивать эту игру. Мне передали небольшой портфель. Его стенки были с противорадиационной защитой. Я должен был проделать нехитрые операции и поставить его в назначенное место. В доме ее брата. Мы добрались до него.

27.12.2017–21.02.2018

Враг

По коридору бежит маленькая фигурка...

В. Пелевин. Принц Госплана

О, этот благословенный день! Я помню его как сейчас. Мы с соседом по комнате торжественно завозим в общежитие увесистые коробки, поднимаем их на четырнадцатый этаж и распаковываем. Пусть в «двушке» собралось человек пять — мне кажется, что это толпа. Они пришли, чтобы посмотреть на мою покупку, порадоваться за меня, ну, и, конечно же, позавидовать. Аккуратно, боясь повредить драгоценное содержимое, мы сообща вытаскиваем из коробок все составляющие моего нового друга — компьютера.

* * *

Другой мой друг умел подсоединять провода и устанавливать операционную систему. За бутылку пива он со знанием дела, даже немного задаваясь, проделывает нужные процедуры, и пиратская, купленная на московской «Горбушке» «Виндоуз'98» открывает нам все свои окна. Сразу же устанавливаем игру «Герои меча и магии» и с наслаждением погружаемся в нее. Втроем или вчетвером? Среди игроков, кстати, была и Даша.

* * *

Это был конец 2001 года. Только что случилось 11 сентября (помню, как в этот день мой сосед заходит в комнату с газетой и объявляет, что началась Третья мировая война), шла контртеррористическая операция в Чечне, корабли Кубрика завершали свою космическую одиссею, а мы учились в университете, подрабатывали, бродили по Питеру, ездили по его окрестностям и играли, играли, играли. Вначале нас увлекла третья часть «Героев», потом «Казаки: Последний довод королей».

* * *

На самом деле все началось гораздо раньше. В 1990 году на нас в нашем провинциальном городке обрушилось все и сразу. Вместе с нищетой и барахолками, видеосалонами и «Звездными войнами» появились японские «Ямахи», к которым, в отличие от отечественных «ДВКашек», относились уважительно. На них были первые интересные игры, прежде всего «бегалки» и «стрелялки». На них делали первый компьютерный бизнес: в здании УПК (учебно-производственного комбината, где весь город проходил практику) за рубль можно было поиграть в течение часа.

Помню мой первый сеанс. Отстояв очередь, я сажусь за компьютер. Час пролетает незаметно. Я выхожу абсолютно ошалелым — вероятно, от совершенно новых ощущений. Игра подарила мне возможность проживать множество жизней, настойчиво добиваться своей цели, несмотря на неудачи, многократные ранения и постоянную смерть.

Бабушка давала мне этот рубль по большим праздникам, поэтому я вместе с другими пацанами гораздо

больше времени проводил у окна, подглядывая в щелочку за действиями счастливчиков-игроков. Думаю, ее специально не закрывали, чтобы привадить нас, как котят к молочку, чтобы мы завидовали, мечтали попасть вовнутрь, приносили все наши деньги. Кажется, я так и делал.

* * *

Но это было удовольствие за деньги, которых у нас с бабулей почти не было. Вскоре компьютеры появились у некоторых моих одноклассников: их отцы вели своей нелегальный бизнес или пробивались в депутаты. Когда друзья приглашали меня к себе домой, чтобы поиграть в «Абрамс», «Ф-16», «Принца» или «Кингс Боунти», думаю, они наслаждались не только своей добротой, но и моей завистью. Подобное наслаждение охватило и меня, когда я привез мой первый компьютер в общагу. Но теперь мне не нужно было платить за удовольствие.

* * *

Меня не касались другие стороны компьютера. Кто-то быстро переключился на программирование, кто-то — на системное администрирование, кто-то — на создание баз данных или сайтов, а я только играл и в этом коконе чувствовал себя комфортно и самодостаточно. Здесь не нужно было решать суперсложных задач, я ни от кого не зависел и мог управлять целым миром. Да, выдуманным, но разве так называемый реальный мир не выдуман? Сегодня он также располагается в мире компьютеров, которые стали уже открыто и повсеместно определять правила игры. Пусть гораздо более серьезной и рискованной.

Внимание наше сосредоточилось на экране больше, чем на людях, даже наших родных. Я помню это чувство еще с тех пор, как играл на программируемом калькуляторе (компьютеры тогда я видел только на картинках). На маленьком табло мелькают числа, которые нужно запомнить, чтобы преодолеть цифровое препятствие. С карандашом в руке (конечно, я жульничал, не запоминая числа, а записывая их) я старательно вглядываюсь в миниатюрный прямоугольный экран, и ничто не может отвлечь меня от этого занятия. Бабушка как-то попыталась — и мне долго потом пришлось извиняться за мою грубость.

* * *

Уже за полночь. Даша спит. Она сумела победить своего противника на сложном уровне. Я еще нет. Эта игра может дорого нам обойтись: завтра госэкзамен.

Наконец, и я побеждаю. Я выключаю компьютер, он затихает, и я глажу его по бокам, как засыпающего коня. Я зажигаю настольную лампу, прикрытую газетами от спящей девушки, и с трудом начинаю вникать в учебник. Я никогда не сплю перед экзаменами, потому что привык полностью контролировать ситуацию.

* * *

Я сдал экзамен на «хорошо», а Даша — на «удовлетворительно». Она демонстративно сидит в стороне с книгой. Говорит: «Больше никогда не буду играть». Разве такое можно обещать? Вышла следующая часть «Героев»: графика замечательная, а вот сюжет не очень интересный. Хотя если уж начал — пройти нужно до конца.

Нам осталось жить в общежитии совсем ничего — пару летних месяцев. Сосед уехал к родственникам. Наверное, сейчас самое время сказать ей то, что я чувствую. Сейчас пройду уровень — и скажу.

* * *

Все произошло внезапно. Даша выдернула меня из-за компьютера и обняла. Я был захвачен врасплох ее поступком. Голова шумит от игры, в ней мелькают образы магических существ, тактика и стратегия, которые я не успел осуществить. Возможно, поэтому все дальнейшее прошло не так гладко, как я себе представлял, как видел в фильмах. Но она сказала: «Ничего, главное, что мы теперь вместе». Я согласен с ней. Все-таки настоящая девушка куда лучше компьютерных принцесс, какие бы красоты и формы ни пририсовывали им художники! Хотя... последняя в «Диабло» была ничего.

* * *

Бабушка заболела. Конечно, она и раньше часто болела, но, судя по ее голосу, на этот раз что-то серьезное.

Естественно, мы возвратились в наш провинциальный город. Мы — потому что Даша решила поехать со мной. У нее были заманчивые предложения по работе в Питере, но она сделала свой выбор.

Можно было поселиться на квартире у бабушки, но Даша захотела жить отдельно. Мы поселились на съемной квартире, а друзья помогли перевезти компьютер и прочие вещи.

* * *

Чтобы жить даже в нашем небольшом городе, нужно немало зарабатывать. Удивительно, что, когда ты молод, ты вкалываешь больше всех и при этом получаешь меньше всех. Я бегал корреспондентом для газеты, писал статьи для сайта. Но денег все равно катастрофически не хватало. Каждый вечер я заходил к бабушке. Состояние ее ухудшалось: сахарный диабет, сердце и прочее. Принести то, подать се, прибраться, приготовить.

Домой я прихожу изможденным. Даша кормит меня, расспрашивает обо всем. Думаю, у нас есть контакт и много общего. Думаю, нам интересно друг с другом.

И знаете, очень помогал компьютер. Погружаешься в него на несколько часов, изучаешь неведомые миры, захватываешь Европу. «Век парусников», «НХЛ», «НБА», «Лига чемпионов» и многое другое. Вздрагиваешь от внезапных нападений, любуешься графикой — в общем, живешь полной жизнью. Хотелось купить игровую приставку, но, как я уже сказал, денег катастрофически не хватало. Можно, конечно, было взять еще участок у дома для работы дворником, но вряд ли я бы это потянул.

* * *

Так прошел год. Бабушка продолжала болеть. Я продолжал каждый день ухаживать за ней, бегать по работам (когда все это кончится!), приходить домой изможденным, жить с Дашей, играть по вечерам (иногда и по ночам).

И вот Даша говорит мне, что не хочет так больше жить, что ей не хватает моего внимания, что ей пора уже замуж — со всеми вытекающими последствиями. Что я мог ей ответить? Что я мог изменить в нашей жизни? Я не мог оставить бабушку, не мог улучшить наш секс, у меня не было возможности водить ее по ресторанам, вывозить в отпуск. Нужно было терпеть или... Даша поняла меня и осталась.

* * *

Бабушка умерла через месяц.

Меня не отпускает одна мысль. Это был звонок от бабушки в день ее смерти. Я уже приехал от нее, поел и уселся проходить новый выпуск «Кол оф Дьюти». Как вдруг зазвонил телефон. Она что-то чувствовала и просила поговорить с ней. Я постарался успокоить ее. Она сказала: «Да-да, теперь все нормально, до завтра». «Давай я приеду», — предложил я. Она ответила: «Ни к чему». На том и закончили разговор. Пожелали

друг другу спокойной ночи и повесили трубки. Она, наверное, попыталась заснуть, а я вернулся к своим делам. С тяжелым сердцем.

Ночью бабушка умерла. И никого не оказалось рядом. На следующий день никто не открывает мне дверь, я спешно достаю свой ключ, вхожу, зову и потом вижу. Что я делал тогда? Потрогал руку? Поднес зеркало ко рту?

* * *

Мы переехали в бабушкину квартиру. На скорую руку сделали ремонт. Купили новый компьютерный стол и раскладной диван. Стало довольно-таки уютно.

Я немного продвинулся по карьерной лестнице: стал редактором сайта. Стал побольше получать. Бросил вторую работу, появилось больше свободного времени. Может, купить приставку?

Даша все говорит о будущем. Она просто устремлена туда. И ее будущее всегда — это жизнь в Питере. Там больше возможностей, работы, театров, концертов, ближе Европа. Разве то, с кем ты, не важнее того, где ты?

* * *

Даша уехала-таки в Питер. Мы решили, что попробуем пожить какое-то время в разных городах. Проверим чувства. Хотя мое отношение к ней мне понятно: как последний довод в дискуссии, я предложил ей пожениться. Она попросила время на размышление.

Я почти неделю был в шоке от ее отъезда. Даже к компьютеру дома не подходил. Лежал и смотрел в потолок, просто чувствовал пустоту, отсутствие рядом Дашиного тепла. На работе все делал машинально, автоматически.

* * *

И вдруг она мне написала. Она попросила меня зарегистрироваться в «ВКонтакте». Честно говоря, я не понимал раньше, зачем нужны социальные сети, недолюбливал их. А там оказалось столько возможностей! Я получаю нескончаемое удовольствие от этой штуки. Это даже круче игр!

Мы добавились с Дашей друг другу в друзья, и ниточка, разорвавшаяся между нами, словно снова связалась. Нет больше никаких преград — очень крепкая духовная связь. Теплые слова, поддержка, помощь, советы. Потом появились и фильмы, музыка.

Я чувствую, что раньше, наверное, чуть-чуть зависел от игр. Это и мешало мне в отношениях с людьми. Теперь я веду себя гораздо более раскованно: общаюсь с френдами (в первую очередь с Дашей), лайкаю посты, иногда сам пощу кое-что из понравившегося. Жаль, что нельзя пока поставить лайк «Не нравится»: очень нужная была бы кнопка.

Весь мир передо мной. Он открыт мне, а я — ему.

01.01.2017

Идеальная жена

Моей жене

Он приехал домой с работы усталый и злой, но как только увидел свет в окнах своей квартиры, почувствовал себя значительно лучше.

Жена открыла дверь. Она была в мягком джемпере, украшенном бело-рыжим орнаментом, и джинсах, подчеркивавших ее фигуру. Светлые волосы обрамляли ее лицо, и казалось, что сияние пробивалось сквозь них лучистыми струями.

— Как дела, мой хороший?

Он понял, что соскучился за день по ее голосу, и обнял ее. Тепло женского тела взволновало его, и он попробовал засунуть руку под джемпер.

— Что ты делаешь? — вскрикнула жена, отстраняясь. — Холодно! Раздевайся, мой руки и марш ужинать.

Он оставил руки поверх ткани, но все равно удержал жену на какое-то время. Он посмотрел в ее глубокие серые глаза и почувствовал себя еще лучше.

Жена ушла на кухню и забренчала там, совершая последние приготовления к ужину. Переодеваясь в домашнее, он уловил запах красной рыбы с картошкой — его любимого блюда. Потекли слюнки.

Зайдя на кухню, он увидел еще и салат под гранатовым соусом, лепешку и бутылку вина с бокалами. Жена умела готовить удивительные вещи — простые, но очень вкусные.

— Ты не сказал, как дела, — напомнила она.

— Теперь могу и рассказать, — улыбнулся он.

За ужином, которым он наслаждался, медленно смакуя кусочек за кусочком, глоток за глотком все, что было ему предложено, он рассказал о сегодняшнем дне. О том, как они начали изготавливать новую микро-

схему. Ему достался самый сложный участок — финальной проверки контактов. Как всегда бывает с новым изделием, на сборке случались ошибки, и это ужасно раздражало его. Вот почему он пришел таким уставшим и злым.

— А как ты провела день?

— Ты же знаешь, что благодаря тебе у меня уйма свободного времени, — констатировала жена. — Читала книги, делала йогу, смотрела телевизор. Что еще?

— Что за книга? — как бы ненароком бросил он.

— Да не Донцова, нет, — попыталась пошутить она. — Попробовала почитать «Старика и море» Хемингуэя. В школьной программе ведь не было.

— И как?

— Начало тяжеловатое, а потом интересно. Рассказать?

— Да я читал. Но если хочешь, рассказывай. Только коротко.

Жена даже подпрыгнула на стуле от удовольствия и в красках начала пересказывать произведение. Где-то она так увлекалась, что показывала происходящее: как старик ловил рыбу, отбивался от акул. Особенно ей удалась финальная сцена, сочетание усталости и чувства собственного достоинства на лице героя. Он любил эти ее представления и наслаждался тем, как она пыталась донести до него смысл произведения.

Наконец жена завершила рассказ.

— Браво! — зааплодировал он, запивая вином последний кусок.

Она демонстративно поклонилась и спросила:

— Как рыба?

— Отлично. Ты удивительно готовишь.

— Спасибо, мне приятно, — улыбнулась она и добавила нежно: — Люблю тебя.

— А я тебя, — ответил он.

Они закончили ужин, вместе поставили тарелки и приборы в посудомоечную машину и отправились в комнату, взяв с собой оставшееся вино.

Вечер был чудесный. По совету жены они завалились на диван и включили «Манхэттен» Вуди Аллена. Фильм был старый, но было в нем что-то настоящее, человеческое. Ошибки героя казались немного наивными, актеры старомодно одевались, но на них было приятно смотреть. История шла вперед только благодаря разговорам, но фильм давал возможность и посмеяться, и задуматься.

Пора было ложиться спать.

— Ты не устал? — придвинувшись к нему, прошептала она и, не дождавшись ответа, поднялась с дивана. — Я быстро.

Жена ушла в ванную. Он разобрал диван, приготовил постель и лег, слушая звук душа, представляя, как вода струится по женскому телу, как оно впитывает в себя запах абрикосового геля. Потом шум воды закончился, открылась дверь ванной, и аромат скользнул по коридору в комнату...

* * *

После он какое-то время лежал, расслабленный и умиротворенный. Рядом была она, его счастье и утешение в этой трудной бессмысленной жизни. Жена часто спасала его от отчаяния, от усталости, от всего плохого, что наваливалось на работе и потом — в рефлексирующем сознании.

Что еще ценного есть в его жизни? Он старается быть экономным, купил себе не самую дорогую модель «умного дома», бережет ресурсы планеты. Думает о духовном развитии: беседует о книгах, смотрит авторское кино. На прошлой неделе в театр ходили, на следующей в филармонию собираются.

Что еще? Возможно, нужен ребенок. Это было бы так естественно и красиво. К сожалению, ребенок не входил в данный комплект «умного дома». Нужно получше продумать этот вопрос — и с финансовой, и с моральной точки зрения.

А жена входила. Теперь все сомнения улетучились: это была удачная покупка, несмотря на кредит. Он аккуратно, бережно использует ее. В соответствии с инструкцией.

Он немного подумал и, несмотря на усталость, взял с тумбочки пульт, чуть-чуть увеличил показатели шутливости, склонности к ссоре, сексуальности, загрузил в память голубое платье, пиццу, «Отца Сергия» Толстого и «Солярис» Тарковского. Потом включил жену в розетку на подзарядку и заснул.

23.10.2016